

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Н. А. АЛЕКСЕЕВ

ШАМАНИЗМ
ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ СИБИРИ
(опыт ареального
сравнительного исследования)

Ответственный редактор
д-р ист. наук *И. С. Гурвич*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1984

Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). — Новосибирск: Наука, 1984.

В монографии впервые исследуется шаманизм якутов, алтайцев, хакасов, шорцев, тувинцев и тофаларов в разрезе их локальных и этнических групп. Особое внимание уделяется синхронизации и диахронизации материалов по шаманству, использованию их для реконструкции религии древних тюрков и освещению отдельных аспектов этногенеза современных тюркоязычных народов Сибири.

Книга рассчитана на этнографов, историков, краеведов. Ил. 8. Фото 22. Библиогр. 173.

Рецензенты: С. А. Арутюнов, Р. С. Липец

ОТ РЕДАКТОРА

Представляемая вниманию читателей монография, написанная Н. А. Алексеевым, является непосредственным продолжением его книги «Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири», посвященной систематическому сравнительному анализу традиционных архаических верований якутов, алтайцев, тувинцев, хакасов, шорцев и др. Новая работа касается наиболее яркой и специфической области верований этих народов — шаманского культа.

Появление этой монографии — примечательное явление в сибиреведении. Перед нами, по существу, первое сравнительное исследование шаманизма. Тщательно суммированные и проанализированные литературные, архивные и музейные данные и полевые материалы, собранные автором, неопровержимо свидетельствуют о том, что шаманизм сибирских народов — культ экстатического общения отдельных лиц с духами — представляет собой в целом единое весьма устойчивое явление, основанное на ряде общих для всех этих народов представлений о сверхъестественных существах, «населяющих» нижний, средний и верхний миры, сложных, хотя и противоречивых, мифологических комплексах.

При содействии своих духов-«помощников» шаман, согласно верованиям тюркских народов Сибири, обращался за помощью к божествам и духам с просьбой даровать своим сородичам здоровье, благополучие, оберегать их от различных несчастий и насылать на врагов-соседей беды и порчи. Подобно сказителям эпических произведений, он произвольно импровизировал, сочиняя заклинания, песнопения-обращения. Однако шаман при этом не выходил за рамки традиционных представлений об облике и характере мифических небожителей, обитателей нижнего мира, духов-хозяев мест и т. д. Материал работы убеждает в том, что молитвы-заклинания тюркских народов Сибири, разбросанных по огромной территории, очень схожи и фактически представляют собой стихотворные воспевания существ, от которых ожидалась помощь или излечение от болезней.

Как показано в книге, изгоняя враждебных духов или «уми-лостивляя» их, шаман успокаивал больного, способствовал в ряде случаев восстановлению его психического равновесия, что имело

определенное значение в условиях широкого распространения нервных заболеваний. Шаманские предсказания, гадания также успокаивали и вселяли уверенность в свои силы. Само камлание, как видно из работы, представляло собой искусственно вызываемый истерический припадок, в ходе которого шаман впадал в экстаз и вещал о воле божеств и духов.

В монографии освещена и социальная сущность тюркского шаманизма, оправдывавшего имущественное неравенство, деление на богатых и бедных. По существу, шаманы примыкали к эксплуататорским слоям общества.

Заслуживает внимания также то, что сравнительное изучение шаманизма позволило четко выявить локальные особенности этого явления у различных тюркоязычных народов Сибири. Как оказалось, эти особенности сводятся в основном к деталям, возможно, возникшим в результате контактов с иноязычными соседями.

В целом работа Н. А. Алексеева открывает перед исследователями новые перспективы и ставит новые задачи. Сейчас становится все более ясным, что необходимо дальнейшее сравнительное ареальное изучение религиозных верований народов Сибири, обобщение материалов по другим большим языковым группам, охватывающим этот обширный регион. Этот путь позволяет, по моему мнению, выявить сущность сибирского шаманизма в целом.

Особо следует отметить, актуальность книги Н. А. Алексеева для атеистической работы, для ускоренного преодоления религиозных пережитков, бытующих в сознании старшего поколения коренного населения Сибири.

Следует надеяться, что монография Н. А. Алексеева привлечет к себе внимание этнографов, археологов и религиоведов.

Доктор исторических наук,
лауреат Государственной премии
И. С. Гурвич

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книга является продолжением ранее начатого изучения генезиса религии сибирских народов на базе материалов о традиционных религиозных верованиях тюркоязычных народов Сибири [Алексеев, 1980б]. В работе обобщены сведения о шаманизме сибирских тюрков и освещен процесс его эволюции, применен комплексный метод сравнительного анализа, предусматривающий генетическое изучение религии как части былого народного мировоззрения. Советскими исследователями в целом изучены закономерности происхождения религиозных верований, определены основные этапы их эволюции, проведена научная классификация религии. Однако в религиоведении имеется еще немало проблем, недостаточно исследованных и дискуссионных. Одной из них, например, является изучение генезиса и сущности шаманизма. Путь решения этой сложной задачи применительно к сибирскому региону был предложен автором в 1967 г. [Алексеев, 1967, с. 186] и позднее изложен в монографии, посвященной обобщенной характеристике религиозных верований якутов.

В ней было отмечено, что для освещения сибирского шаманизма необходимо обобщение материалов о традиционной религии каждого народа в отдельности, выяснение социальной роли шаманов на каждом этапе исторического развития аборигенов Сибири, уточнение соотношения шаманизма с другими культурами [Алексеев, 1975, с. 107]. Такое направление в изучении шаманизма поддерживается другими исследователями. Например, специалист по бурятским религиозным верованиям Т. М. Михайлов считает, что «одним из условий успешного решения общих проблем шаманизма является всестороннее изучение религии конкретных народов, в том числе и шаманизма бурят» [1980, с. 6].

Систематизация и анализ данных о верованиях отдельных народов являются лишь начальным этапом исследования истории религии автохтонного населения Сибири. В целом ее закономерности могут быть в известной степени освещены путем сравнительного анализа материалов о верованиях этнолингвистических групп, охватывающих издавна этот огромный этнокультурный регион. Такое

исследование позволит углубить наши представления о религиозных верованиях сибирских аборигенов и выявить элементы верований субстратного древнего населения Сибири. Изучение шаманизма сибирских народов является частью этой сложной проблемы.

В обширной религиозно-этнографической литературе высказываются различные определения сущности шаманизма. Причем «не утвердились еще критерии понятия шаманизма вообще» [Михайлов, 1980, с. 3]. Это прежде всего обусловлено тем, что данные о шаманизме до сих пор должным образом не обобщены и не предпринималось достаточно аргументированной попытки реконструкции этапов эволюции шаманизма отдельных народов на различных ступенях развития человеческого общества. Для освещения вопроса необходимо свести воедино сведения о шаманах и религиозных представлениях, связанных с их деятельностью, определить роль шаманского культа в комплексе исконных религиозных верований и обрядов языковых групп народов Сибири, таких как тюркоязычные, монголоязычные, самодийские и т. д. Только сопоставив между собой результаты таких сводных работ, можно будет выявить сущность сибирского шаманизма в целом и наметить основные этапы его эволюции.

Автор книги поставил перед собой задачу провести исследование шаманизма тюркоязычных народов Сибири. Однако эти народы состоят из различных этнических и локальных подразделений. В их культуре имеется много особенностей, обусловленных спецификой их происхождения. В связи с этим в работе данные о шаманизме у якутов рассмотрены по четырем локальным группам: центральной (якуты, проживающие в бассейне Средней Лены), вилюйской, северо-западной (оленекские якуты-олепеводы) и северо-восточной (верхоянские якуты); у алтайцев — по шести: алтай-кижи, телеуты, теленгиты, кумандинцы, челканцы и тубалары; у хакасов — по пяти группам: качинцы, сагайцы, кызыльцы, бельтиры и койбалы. Далее обобщены материалы по шаманизму шорцев (собственно шорцы и шорцы, входящие в состав хакасов), тувинцев, тувинцев-тодзинцев и тофаларов. В число изучаемых народов не включены сибирские татары и долганы. Первые в связи с тем, что по своей культуре в XVII—XIX вв. они были ближе к казанским татарам, чем к тюркам Сибири, вторые потому, что тюркский пласт их верований был полностью заимствован от якутов в XVIII—XIX вв. в процессе этногенеза этого народа.

При разработке темы использована методика сравнительного анализа, апробированная в монографии «Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири». По ней исследованы такие узловые проблемы шаманизма: анимистические представления, связанные с шаманством (глава II); поверья о «шаманской» болезни, обряды, совершавшиеся при посвящении в шаманы, и шаманские ритуальные обряды (глава III); роль шаманов в общественной жизни народов и их обрядовая деятельность (глава IV). По этим аспектам шаманизма автором выявлены наиболее характерные для каждой этнической группы комплексы представлений и обрядов и сопоставлены с аналогичными явлениями в верованиях и религиозной жизни

других этнических и локальных групп тюрков Сибири. Сравнительное изучение шаманизма дало возможность в известной мере осветить ход его развития у этой группы народов, а также частично пролить свет на их этнокультурные контакты. (Об использовании сведений о религиозных верованиях как историко-этнографического источника см. [Алексеев, 1966, 1978].) В связи с последним особое внимание уделено не только сущности верований, но и деталям, не несущим значительной функциональной нагрузки и являющимся поэтому своеобразными этническими индикаторами.

При изучении шаманизма тюрков Сибири использован также метод датировки религиозных верований, примененный в предыдущей книге. Следует отметить, что материалы о шаманизме исследуемых народов в основном относятся к XIX—XX вв. Однако в них имеется много весьма архаичных черт и деталей. Часть из них идентична данным VII в. о верованиях древних тюрков, имеющимся в ранних письменных источниках. В связи с этим можно полагать, что эти шаманские обряды и поверья сложились еще у общих предков сибирских тюрков.

Своеобразным индикатором для датировки формирования шаманизма у исследуемых народов являются материалы о якутском шаманизме. Как известно, южными предками якутов были курыканы. Расцвет их культуры, по археологическим данным, падает на VI—VIII вв. Они покинули Прибайкалье и переселились на Лену до X в. [Окладников, 1955, с. 296, 318, 321]. С той поры они жили, видимо, в изоляции от остальных тюркоязычных народов Сибири. Поэтому общие для якутов и южно-сибирских тюрков поверья и обряды можно считать сложившимися до X в. Они являются частью религиозного мировоззрения телесских племен, предков якутов, теленгитов, уйгур и др.

Для датировки отдельных явлений шаманизма тюрков Сибири большое значение имеет и выяснение, наряду со сходством, различий в верованиях и обрядах. Это позволяет осветить эволюцию шаманизма, выявить новые элементы в этом культе, возникшие у отдельных народов в исторически известное время. В связи с этим в книге уделено особое внимание синхронизации и диахронизации обобщаемых этнографических и фольклорных материалов (о датировке см. [Алексеев, 1980а]).

Результативность сравнительного исследования в первую очередь зависит от полноты и достоверности обобщаемых материалов. Исследователями этнографии тюркоязычных народов Сибири были накоплены весьма обширные сведения по различным аспектам шаманизма якутов, южных алтайцев, кумандинцев, сагайцев, качинцев, шорцев, тувинцев и тувинцев-тодзинцев. Однако собранные материалы опубликованы далеко не полностью. Ряд записей о шаманских представлениях и описаний обрядов хранятся в архивах. В связи с этим для написания работы автор привлек данные архивов Якутского филиала СО АН СССР, Института востоковедения АН СССР (ЛО), АН СССР (ЛО), Института этнографии АН СССР (ЛО), ГМЭ СССР, РГО СССР, Горно-Алтайского НИИИЯЛ, Хакасского

НИИЯЛИ, библиотеки Минусинского краеведческого музея. Изучение опубликованных и архивных материалов показало, что в освещении шаманизма тюрков Сибири имеются значительные проблемы. Весьма фрагментарно исследованы верования тубаларов, челканцев, бельтиров, койбалов и тофаларов. Кроме того, как отметил И. С. Гурвич, «собираатели пользовались разными программами и преследовали разные задачи. Поэтому материалы часто несопоставимы» [1980, с. 4].

Для восполнения пробелов в них и приведения имеющихся материалов в более сопоставимое состояние автор провел полевое исследование традиционных религиозных верований тюрков Сибири. Этнографический отряд ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР собирал сведения по специальной единой программе о религиозных представлениях и обрядах алтай-кизжи (1976, 1979, 1981), теленгитов (1977), телеутов (1979), челканцев (1979), сагайцев (1976, 1977), качинцев (1977), кызыльцев (1977), шорцев (1977), тувинцев-тоджинцев (1977) и тофаларов (1976). Это позволило во многом дополнить и сделать сопоставимыми опубликованные, а также архивные материалы по исследуемой теме, хотя в настоящее время полевая работа крайне усложнилась. Значительно сократился контингент информаторов и понизился уровень их знаний по традиционному фольклору и этнографии. Поэтому во время полевой работы была применена особая методика, направленная на дополнение и уточнение имеющихся сведений, так как дореволюционные исследователи часто не указывали, к какой этнической группе относятся материалы, собранные ими среди алтайцев и хакасов. Такие недостаточно паспортизированные сведения были проведены путем опроса информаторов из различных этнических групп этих народов. Следует отметить, что в наши дни еще имеется возможность собирать сведения о камлающих шаманов от бывших шаманов, их помощников и лиц, пользовавшихся их услугами. Поэтому удалось осветить некоторые слабоисследованные аспекты шаманизма. Например, процесс предварительной подготовки к обряду, взаимоотношения шаманов, действовавших на определенной территории, и т. п. Во время экспедиций сведения о ритуальных атрибутах шаманов дополнялись. Для этого предварительно исследовались материалы музейных коллекций. Выяснилось, что они в значительной части были плохо документированы, отдельные ценные экспонаты не имели научных описаний. Так, к примеру, обстояло дело с коллекциями Хакасского и Горно-Алтайского краеведческих музеев. Ознакомление информаторов с фотографиями и рисунками бубнов, колотушек, шаманских облачений из этих музеев позволило записать ряд новых сведений об их изготовлении, порядке нанесения изображений духов на бубны, составить научные описи.

Эффективным методом полевой работы в современных условиях является повторный сбор материалов в тех местах, где в прошлом работали наши предшественники. Такие попытки предпринимались, например, Н. П. Дыренковой, описавшей бубны, привезенные А. В. Анохиным, и собранной в 1931 г. о них сведения от информа-

торов в местности, где жили хозяева бубнов [Дыренкова, 1949]; в 1978 г. С. И. Вайнштейн во время этнографической поездки в Горный Алтай прошел по маршруту В. В. Радлова [Вайнштейн, 1980] и т. д. Этнографический отряд ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1979 г. работал среди телеутов в Беловском районе Кемеровской области и в ходе полевых исследований дополнил родословные телеутских шаманов, составленные в этой местности А. В. Анохиным.

Для создания книги помимо письменных и полевых материалов использованы коллекции ГМЭ СССР, Горно-Алтайского, Хакасского и Тувинского республиканских краеведческих музеев, Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера имени Ем. Ярославского и Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартыанова.

В предлагаемой читателю книге использованы материалы из различных языков — якутского, алтайского и его диалектов, хакасского и его диалектов, шорского, тувинского, тофаларского, а также древнетюркского. Причем ряд записей был сделан авторами алфавитом, бытовавшим в период их работы, или знаками, предложенными самими исследователями ввиду отсутствия официальной письменности языка, на котором говорили информаторы. В связи с этим (а также по техническим причинам) в книге унифицировано написание всех терминов — все знаки заменены близкими по звучанию буквами или сочетаниями букв. Ниже приводится таблица, в которой показаны буквы алтайского, тувинского, хакасского (с ним совпадают шорские буквы) и якутского алфавитов и принятая в книге транскрипция этих букв:

<i>Алтайские буквы</i>	–	Дьддь	–	н	00	–	Уу	–
<i>Тувинские буквы</i>	–	–	–	ң	Өө	–	Үү	–
<i>Хакасские буквы</i>	г	ч	іі	нь	00	–	Уу	–
<i>Якутские буквы</i>	Б	Дьддь	–	н	Өө	һ	Үү	Үө ү ө
<i>Транскрипция</i>	г	Дьддь	Ии	нг	Ее	һ	Юю	Юе юе

Автор счел необходимым избежать разнобоя в написании имен божеств, религиозных терминов и названий родов, встречающихся в различных источниках и публикациях. Например, имя божества *Ульген* писалось: *Улген, Ульген, Ульген* и *Улгэн*. В книге введено единое написание имен божеств и названий родов.

В необходимых случаях в тексте приводится авторское пояснение непонятных для читателя выражений и специфических терминов.

Автор выражает искреннюю признательность научным сотрудникам Тувинского научно-исследовательского института языка, ли-

тературы и истории (директор – кандидат исторических наук Ю. Л. Аранчын), Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (директор — кандидат исторических наук В. А. Асочаков) и Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (директор — кандидат исторических наук П. П. Эдоков), оказавших большое содействие в организации полевых исследований нашего этнографического отряда. Автор особенно признателен этнографам кандидатам исторических наук К. М. Патачакову и Н. И. Шатиновой за помощь в экспедиционной работе, Ф. А. Сатлаеву за участие в работе этнографического отряда ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР в 1979 и 1981 гг. в Горном Алтае и за ценные сведения о шаманизме кумандинцев.

В качестве иллюстраций использованы фотографии из музеев СССР и снимки автора, сделанные во время экспедиций. Техническую подготовку рукописи к печати проводили Т. А. Антонова, Р. М. Копырина и Л. Ф. Рожина. Автор благодарен им за оказанную помощь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. История исследования шаманизма тюркоязычных народов Сибири	11
Глава II. Анимистические представления шаманизма	24
§ 1. Божества и духи верхнего мира	25
§ 2. Нижний мир и его обитатели	49
§ 3. Анимистические представления, связанные со средним миром	65
§ 4. Духи-покровители и духи-помощники шаманов	79
Глава III. Получение шаманского дара	98
§ 1. Болезнь будущего шамана и идея «избранничества»	—
§ 2. Обряды посвящения в шаманы	117
§ 3. Шаманские ритуальные атрибуты	142
Глава IV. Шаманы и их религиозная практика	179
§ 1. Камлание шамана	—
§ 2. Роль шаманов в жизни тюркоязычных народов Сибири	200
Заключение	215
Литература	226
Список сокращений	232

Николай Алексеевич Алексеев

ШАМАНИЗМ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СИБИРИ
(опыт ареального сравнительного исследования)

Ответственный редактор *Илья Самуилович Гурвич*

Утверждено к печати Институтом языка,
литературы и истории ЯФ СО АН СССР

Редактор издательства *Л. И. Шпаковская*
Художественный редактор *Е. Ф. Гришин*
Художник *В. И. Шумаков*

Технический редактор *Н. М. Остроумова*
Корректоры *В. В. Борисова, А. А. Надточий*

ИБ № 23754

Сдано в набор 14.11.83. Подписано в печать 7.06.84. МН-03526. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
14,5+1,5 на мел. бум. Усл. кр.-отт. 16,1. Уч.-изд. л. 20. Тираж 5400 экз. Заказ № 864.
Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.
4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.